

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЕКАТЕРИНЫ II В ОПИСАНИЯХ БРИТАНСКИХ ПОСЛОВ

В статье анализируются высказывания британских послов при дворе Екатерины II о частной жизни императрицы. Опираясь на секретную переписку дипломатов с госсекретарем Великобритании, а также их мемуары, автор приходит к выводам о том, что наибольшее внимание они уделяли ее взаимоотношениям с сыном, великим князем Павлом Петровичем и с фаворитами, особенно теми из них, кто пользовался заметным влиянием на императрицу (граф Григорий Орлов и князь Григорий Потемкин). Особая склонность фаворитов к английским порядкам (англофилия) позволяла дипломатам использовать их в качестве носителей секретной информации и для оказания влияния на принятие решений императрицы в вопросах внешней политики в интересах Великобритании. Свидетельства послов не всегда отличались объективностью, тем не менее, приведенные ими факты позволяют составить более полное представление как о политике, проводимой Екатериной II, так и о ее личной жизни.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, XVIII век, Екатерина II, великий князь Павел Петрович, послы, фавориты, Григорий Орлов, Григорий Потемкин.

Жизнь и деятельность великих монархов всегда вызывала интерес историков. Если говорить о российских правителях XVIII в., то наибольшего внимания в историографии заслужили Петр I и Екатерина II, им посвящено множество изданий в нашей стране и за рубежом, и, кажется, трудно написать о них что-то новое. Между тем историческая имагология, изучающая восприятие народами друг друга, позволяет расширить предмет исследования, к примеру, обратившись к представлениям иностранцев о российских монархах¹. В данной статье речь пойдет об оценках частной жизни императрицы Екатерины II британскими послами.

Официальная, дипломатическая деятельность послов, как правило, сочеталась с неофициальной, разведывательной, что подтверждали их донесения госсекретарю в Лондон, а также и записи в дневниках. Король Георг III, направляя в Россию одного из своих послов, графа Бэкингэмшира, наставлял: «Не забудьте постоянно сообщать нам подробности о ходе домашних дел при дворе... о состоянии доходов императрицы, о количестве войска и флота, о политике императрицы... внутренних партиях и волнениях, могущих обнаружиться в государстве». По возвращении на родину король ожидал от посла «подробного и полного письменного отчета» обо всем, что тот заметит при дворе императрицы². Больше всего послов интересовала сама Екатерина II, поэтому практически каждый из них считал своим долгом сообщать руководству не только о ее политике, но и о личной жизни.

Одним из первых дипломатов о Екатерине, еще в бытность ее великой княгиней, написал посол Чарльз Уильямс, прибывший в Россию

¹ В свое время мы затрагивали указанную тему: Лабутина 2017: 149-165.

² Дипломатическая переписка 1873: 20, 22.

летом 1755 г. Екатерина выделила Уильямса на праздновании именин великого князя Петра Федоровича, и между ними завязался разговор, «столь же приятный, сколь и веселый»³. Сэр Уильямс, отличавшийся «пылким воображением и пленительным красноречием», сумел произвести на Екатерину Алексеевну большое впечатление. В свою очередь, ее привлекательная внешность, живой ум, рассудительность, умение вести беседы на разные темы, а также явно выраженное расположение к Англии не оставили равнодушным англичанина. На одном из приемов Уильямс осмелился высказать Екатерине, намекая на ее унижительное положение при дворе Елизаветы Петровны, что «кротость есть достоинство жертв» и призвал молодую княгиню разорвать «узлы принужденности», чтобы «жить по своей воле»⁴. А затем он представил Екатерине своего секретаря – молодого поляка графа Станислава Понятовского.

Будущий король Польши был очарован великой княгиней. «Ей было 25 лет, – описывал Понятовский одну из первых встреч с ней. – Черные волосы, восхитительная белизна кожи, большие синие глаза навывкате, много говорившие, очень длинные черные ресницы, острый носик, рот, зовущий к поцелую, руки и плечи совершенной формы, средний рост... походка на редкость легкая и в то же время исполненная величайшего благородства, приятный тембр голоса, смех столь же веселый, сколь и нрав ее... Она много знала, умела приветить, но и нащупать слабое место собеседника. Уже тогда, завоевывая всеобщую любовь, она торила себе дорогу к трону». Красивый поляк также пленил великую княгиню, и вскоре между ними возникла любовная связь «Мы находили необычайное удовольствие в этих свиданиях украдкой, – писала позднее в своих «Записках» Екатерина. – Не проходило недели, чтобы не было одной, двух или трех встреч, то у одних, то у других»⁵. Роман развивался бурно, чему активно способствовал Чарльз Уильямс, «тысячью различных способов» помогая Понятовскому связываться с Екатериной.

Чем объяснялся интерес посла в поддержании любовной связи великой княгини с Понятовским? Дело в том, что в ту пору здоровье императрицы Елизаветы Петровны заметно ухудшилось, и европейские монархи были озабочены тем, кто наследует российский престол в случае ее кончины. «Особое внимание, – писал А.Г. Брикнер, – обращалось за границу на вопросы престолонаследия; иностранные дипломаты при русском дворе иногда старались содействовать их решению. Отсутствии закона о престолонаследии, недостаток в учреждениях государственного права давали полный простор подобному вмешательству»⁶. Неудивительно, что правительство Великобритании проявляло заинтересованность в том, чтобы после кончины Елизаветы Петровны на троне оказалась Екатерина, а не склонный к прусским порядкам великий

³ Елисева 2010: 258.

⁴ Екатерина II без ретуши 2009: 56.

⁵ Цит. по: Елисева 2010: 298.

⁶ Брикнер 1998: 12.

князь Петр Федорович. Поэтому Уильямс, совместно с великой княгиней, проработал план ее действий после смерти императрицы. По сути, это был план государственного переворота⁷.

В начале августа 1756 г. правительство Речи Посполитой отозвало Понятовского на родину, и влюбленным пришлось расстаться. Опечаленная Екатерина бросается к послу. Она просит Уильямса выслать Понятовскому тысячу червонцев, а также прислать его портрет, полагая, что это немного отвлечет ее «от неприятной перспективы пяти месяцев отсутствия» любимого. В ответ Уильямс советует великой княгине «всеми силами подвинуть возвращение Понятовского в качестве министра», добиваясь в том протекции от канцлера: «Действуйте твердо и мягко!» Екатерина тотчас направляет канцлеру А.П. Бестужеву послание, требуя немедленного возвращения графа⁸. Наконец, Понятовский прибывает в Петербург. У Екатерины появилась реальная возможность встречаться с ним, хотя и тайно, но уже без посредничества Уильямса. Необходимость в постоянной переписке с ним отпала.

Став императрицей, Екатерина с неохотой вспоминала о переписке с британским послом. Продажа информации за деньги, подготовка государственного переворота в интересах иностранной державы⁹, наконец, любовная связь с иностранным подданным – словом все, что нашло отражение в переписке, она старалась поскорее забыть. Не случайно в последних мемуарах знакомство с послом и Понятовским императрица описывала бегло, а о своей роли в событиях, связанных с ними, вообще ни словом не обмолвилась. Как отмечала М.А. Крючкова, 1756 год оказался самым «провальным» в мемуарах Екатерины. Полный вариант мемуаров скорее замалчивает события, чем сообщает о них: «Описание этого года – наглядный пример, как Екатерина-мемуаристка умела молчать и сколько всего она могла оставить за кадром своих “Записок”»¹⁰.

В марте 1758 г. на смену Уильямсу из Англии прибыл посланник Роберт Кейт. В первых своих депешах в Лондон он сообщал об аресте и отставке канцлера А.П. Бестужева и придворных, приближенных к великой княгине. Кейт полагал, что арест Бестужева и усиление позиций французов при императорском дворе были связаны с появлением посла Франции в России. По его мнению, французы «полностью подчинили своей воле великого князя, чтобы впоследствии оттолкнуть от него великую княгиню, которая оказывала на супруга большое влияние». Своеобразным «инструментом» в осуществлении их замыслов выступил некто Брокдорф, принимавший вместе с великим князем активное участие в попойках и дебошах, на которые великая княгиня неоднократно жаловалась императрице. «К сожалению, ее жалобы не были услышаны, а ее недруги позаботились о том, чтобы с помощью фальшивых домыслов

⁷ Подробнее см.: Лабутина 2019: 24-26.

⁸ Переписка 1909: 37, 108, 129, 161.

⁹ Подробнее см.: Лабутина 2019: 33-46.

¹⁰ Крючкова 2009: 221.

скомпрометировать великую княгиню в глазах императрицы, поэтому она чувствует себя очень неуютно при дворе», – отмечал Кейт¹¹. Описываемые им события давали яркое представление об унижительном положении Екатерины при Елизавете Петровне, поэтому свершившийся в 1762 г. дворцовый переворот его не удивил. С одной стороны, освещая события тех дней, посланник утверждал, что они были похожи на «внезапную революцию», которая вспыхнула и совершилась «не более как в два часа времени, причем не было пролито ни капли крови», а с другой, подчеркивал, что все происшедшее «замышлялось давно»¹². Действительно, замысел и конкретный план переворота разрабатывался великой княгиней совместно с Чарльзом Уильямсом еще летом 1756 г.

Осенью 1762 г. ко двору Екатерины прибыл посол граф Джон Бэкингэмшир. В своих официальных донесениях он не раз обращался к характеристике императрицы. На его взгляд, Екатерина II «по способностям, познаниям и деятельности стоит неизмеримо выше всех ее окружающих»¹³. Дипломат обратил внимание на особое расположение Екатерины II «перед всеми прочими державами» к Англии, и приводил высказывания императрицы о том, что «Англия всегда будет занимать первое место в ее дружбе»¹⁴. В своих мемуарах Бэкингэмшир признавался, что поначалу не представлял, как непросто будет описать характер и поведение Екатерины II, и лишь только получив возможность часто видеть ее в часы досуга, «когда покров сдержанности и церемонности был отброшен», он решился это сделать. Внешность императрицы разочаровала посла. «Ее лицо и фигура явно изменились к худшему со времени ее восшествия на престол, легко обнаружить следы того, что когда-то она была в высшей степени привлекательной особой, но теперь она – уже не предмет для обожания». Дипломат одобрительно отзывался о политике Екатерины после того, как она «посадила себя на трон». Ее деятельность, по его мнению, была направлена на то, чтобы «сделать своих подданных счастливыми дома и уважаемыми за границей». Для этой цели императрица решила поощрять искусства, науки, торговлю; создать для молодых дворян обоих полов «либеральную систему образования»; расширить преимуществва для людей низших слоев; увеличить государственный доход; контролировать «тиранческие действия духовенства»; добиться спокойствия в обществе, а также уважения и добропорядочности, «которые преобладают в других европейских народах»¹⁵.

Однако «столь светлую картину», на взгляд Бэкингэмшира, «затемняют» тщеславие, самомнение, жадность и «вкус к мелочным удовольствиям», присущие императрице. Посол полагал, что она совершает две серьезные ошибки: «низость», с которой принимает «грубое невни-

¹¹ Memoires 2011: 30.

¹² Ibid: 53.

¹³ Дипломатическая переписка 1873: 52-53.

¹⁴ Там же: 69, 99, 62.

¹⁵ Там же: 124.

мание Орловых», и недостаточную привязанность к великому князю. Отмечая негативные черты в характере Екатерины (склонность к политическим интригам, «буйное воображение», нежелание прислушиваться к дружеским советам), дипломат отдавал должное ее смелости и решительности. «Я видел ее на военном смотре, – вспоминал Бэкингэмшир, – когда батальоны, отступая, стреляли. Она стояла близко к тому углу, где они должны были развернуться, ... и матрос, находившийся от нее не более чем в двадцати шагах, был смертельно ранен... В этот момент я разговаривал с ней, и я не заметил в ней иного чувства, кроме жалости к этому несчастному». Решительность Екатерины проявилась и при «низложении ее мужа»: «она должна была или устранить его, или подвергнуться заточению, которое... давно уже задумалось над ней»¹⁶.

Освещая состояние дел при дворе, Бэкингэмшир обратил внимание на то, что среди придворных назревало недовольство усилением позиций ее фаворита графа Григория Орлова: «Императрица ежедневно оказывает Орлову новые знаки своего расположения, предпочтение ее к нему так решительно, что им оскорбляются многие лица, считающие за собой по своему сану, положению и способностям более прав на милости императрицы»¹⁷. В донесении госсекретарю Бэкингэмшир сообщал: «Усиливающаяся милость к Орлову вызывает неудовольствие, которое... может иметь самые гибельные последствия... власть его неограниченна; в последнее время в обращении его появилось такое высокомерие, которое лица, помнящие начало его карьеры, переносят с худо скрытым негодованием. Забывая всякую почтительность и уважение к государыне, он относится к ней с видом человека, сознающего всю силу своего влияния и решившегося употребить его»¹⁸.

В своих мемуарах посол представил характеристику фаворита. Он находил Григория Орлова «не очень воспитанным» и способным рассуждать исключительно на общие темы. Во время одной из бесед Орлов заявил, что, на его взгляд, искусства, науки и «производство изящных вещей вредны для великой и могущественной страны, поскольку они расслабляют ум и тело людей», и что поддерживать необходимо только сельское хозяйство и производство предметов, которые «можно вывозить в необработанном виде». Подобные высказывания графа удивили дипломата, но он счел, что поскольку «воспитанием» и обучением Григория Орлова занимается сама императрица, вероятно, что она «хотела бы оставить его таким, каким ... нашла его, удовлетворившись его рвением... к ее интересам и преданностью к ее особе, что она считает совершенно достаточным, чтобы оправдать свое предпочтение»¹⁹. Не забыл посол упомянуть и о симпатиях Орлова к Англии. «Он любит англичан, считая их откровенным и мужественным народом», – подчерки-

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же: 89.

¹⁸ Там же: 177-178.

¹⁹ Секретные материалы 1999: 118.

вал Бэкингэмшир, добавляя при этом, что свои познания об этой стране граф получил из услышанных им рассказов о цирке Браутона, представления которого любило посещать его семейство. В последнее время, продолжал посол, Орлов «принял ужасно надутый и глубокомысленный вид, что придало ему натянутость и угрюмость, вовсе не свойственные его характеру. Он небрежно одевается, курит, часто ездит на охоту и не так неуступчив встречным красавицам, как следовало бы... из благодарности». Ошибочно считают, что императрица равнодушна к его мимолетным увлечениям, полагал дипломат²⁰.

Любовная привязанность Екатерины к Григорию Орлову длилась не один год. Неудивительно, что посол Чарльз Кэткорт, прибывший в Россию в феврале 1768 г., тоже обращался к его характеристике в своих донесениях в Лондон. Однако его оценки фаворита разительно отличались от тех, которые давал его предшественник. Григорий Орлов, отмечал Кэткорт, «одарен всеми преимуществами привлекательной наружности и манер, которые весьма почтительны по отношению к императрице, а с другими исполнены достоинства и вежливости». Посол считал Орлова «кротким, человеколюбивым и всем доступным». Особенно импонировало Кэткарту в Орлове его стремление к самообразованию. Поскольку прежде он получил лишь «незначительное образование», но от природы был одарен «богатými способностями», то в последние годы много и успешно трудился «с целью себя образовать». Дипломат не скрывал своего восхищения Орловым: «Я никогда не знавал человека с лучшими намерениями, большей правдивостью и откровенностью, более скромным понятием о собственных достоинствах и более здравым, хотя и не глубоким пониманием»²¹.

Из разговора во время бала, на котором императрица уделила внимание послу, Кэткорт узнал о ее распорядке дня. Начиная с пяти утра, Екатерина II ежедневно занимается делами, предпочитая лично руководить «всяким делом, вникая в малейшие его подробности». Предметом ее разговора, продолжал посол, всегда служат «различные улучшения» относительно дел в империи, о чем она рассуждает «не только не напыщенно, но даже без всякой примеси важности или серьезности»²². Кэткорт подметил, что «императрица обладает необыкновенной способностью нравиться», чем пользуется «с видимым удовольствием»²³.

Характеристике императрицы и ее ближайшего окружения большое внимание уделил посол Роберт Ганнинг, в 1772 г. сменивший Кэткарта. Его первые впечатления о Екатерине II были нелицеприятными. В послании госсекретарю он утверждал: императрица далеко не популярна в своей стране и даже не стремится к этому; «она нисколько не любит своего народа и не приобрела его любви». Екатериной II, полагал

²⁰ Там же: 118-119.

²¹ Дипломатическая переписка 1876: 15-16.

²² Там же: 356-357.

²³ Там же: 364.

он, движет исключительно «безграничное желание славы», достижение которой служит для нее целью, «гораздо выше истинного блага страны, ею управляемой». Дипломат обратил внимание на непопулярность в обществе «любимца» императрицы – Григория Орлова. Екатерина пыталась его привлечь к управлению государством. Для этой цели она ввела его в Совет, хотя, по мнению Ганнинга, он и подает свое мнение в качестве его члена, но «все им высказываемое предварительно внушается ему императрицей». Екатерина «желала и намеревалась образовать» своего фаворита, чтобы занять его делами и даже доверить ему министерство иностранных дел. Однако «совершенное отсутствие в нем трудолюбия» заставило ее отказаться от этой идеи.

Ганнинг не раз касался темы фаворитов императрицы. Так в сентябре 1772 г. он отметил в своей депеше, что произошло «возвышение нового любимца», камер-юнкера А.С. Васильчикова. Посол полагал, что его приближение к императрице может вызвать «некоторые перемены», поскольку Екатерина должна «положить конец милости его предшественника», хотя его личные качества не позволяли ему возвыситься до значения, принадлежавшего графу Орлову²⁴. Ганнинг считал, что поскольку Григорий Орлов и его брат заслужили милость императрицы, так как она «обязана им своей короной», их преданность интересам Англии можно было бы использовать в своих целях. Назначение же преемника, сменившего Орлова, послужит, на взгляд посла, «едва ли не сильнейшим заявлением слабости и пятном в характере Ее Императорского Величества и ослабит высокое мнение, распространенное о ней столь повсеместно и в значительной степени заслуженное ею»²⁵.

В 1774 г. на смену Васильчикову пришел новый «любимец» – генерал Г.А. Потемкин. Об этом, как охарактеризовал его дипломат, «новом зрелище», заслуживающем более внимания, чем все другие события, происходившие с самого начала царствования Екатерины II, Ганнинг сообщал следующее. Васильчиков, любимец, «способности которого были слишком ограничены для приобретения влияния в делах и доверия своей государыни, теперь заменен человеком, обладающим всеми задатками, для того чтобы овладеть и тем, и другим в высочайшей степени... Обстоятельство это всех не только удивило, но даже поразило»²⁶. Касаясь послужного списка генерала Григория Потемкина, Ганнинг сообщал, что тот прибыл ко двору из армии, где находился во все время продолжения Русско-турецкой войны, и где, как слышал посол, «его терпеть не могли». «Во время революции (дворцовый переворот 1762 г. – Т.Л.) он являлся сержантом гвардии, но, будучи креатурой Орловых и принимая деятельное участие в этом деле», был повышен в звание камер-юнкера и, благодаря своему назначению, получил возможность часто встречаться с императрицей. Неудивительно, что поведение

²⁴ Там же: 314-315.

²⁵ Там же: 327-328.

²⁶ Там же: 405-406.

Потемкина «возбудило ревность» его покровителя, графа Орлова, который изыскал предлог для того, чтобы отправить его в Швецию. По возвращении он жил уединенно вплоть до Русско-турецкой войны. Вскоре после начала войны он получил чин генерал-майора. Ганнинг описал внешность нового «любимца» императрицы. Потемкин, отмечал он, «громадного роста, непропорционального сложения и в наружности его нет ничего привлекательного». «Судя по тому, что я о нем слышал, он, кажется, знаток человеческой природы и обладает большей проницательностью, чем вообще выпадает на долю его соотечественников при такой же, как у них, ловкости для ведения интриг и гибкости, необходимой в его положении». Ганнинг отметил религиозность фаворита: «хотя распущенность его нравов известна, тем не менее, он единственное лицо, имеющее сношения с духовенством». С этими качествами, заключал дипломат, генерал может подняться до той высоты, «к какой стремится его безграничное честолюбие»²⁷. Ганнинг обратил внимание на укрепление позиций Потемкина при дворе: «Хотя нигде любимцы не возвышаются так внезапно, как в этом государстве, однако, даже здесь еще не было примера столь быстрого усиления власти, какого достигает настоящий любимец»²⁸. О значительном влиянии Потемкина на императрицу не только в выборе фаворитов, но и в государственных делах сообщал в Лондон и посол Джеймс Гаррис в мае 1779 г. «Князь Потемкин управляет ею (императрицей – Т.Л.) самым неограниченным образом; изучив до тонкости ее слабости, желания и страсти, он пользуется ими, направляя их согласно со своими целями»²⁹.

Многих дипломатов при дворе Екатерины II приводила в недоумение расточительность императрицы, которая распространялась не только на всевозможные празднества при дворе. Самой значительной статьей в ее расходах, на взгляд послов, являлись траты на фаворитов. Так, Гаррис обращал внимание на «великолепные прощальные подарки» «любимцам» императрицы. «Со времени моего приезда сюда, – писал он госсекретарю, – на это ежегодно тратилось не меньше миллиона рублей, кроме огромных пенсий князей Орлова и Потемкина»³⁰.

Мимо внимательного взгляда Гарриса, не прошла череда любовников Екатерины, которые менялись за время его присутствия при дворе с 1777 по 1783 гг.³¹ О каждом из них Гаррис сообщал в Лондон. Возможно, делалось это не только с целью скомпрометировать императрицу в глазах общественного мнения и правящих кругов Великобритании, но и чтобы привлечь кого-нибудь из фаворитов в качестве информатора. Первым из них был С.Г. Зорич. Он появился при дворе в 1777 г. в каче-

²⁷ Там же: 405-407.

²⁸ Там же: 412-413.

²⁹ Лорд Мальмсбюри 1874, № 7: 152-153.

³⁰ Лорд Мальмсбюри 1874, № 11: 841.

³¹ Подробнее о фаворитах Екатерины II см.: Гельбиг 1999; Евгеньева 1989; Екатерины II и её фавориты 2004.

стве адъютанта князя Потемкина и был назначен командиром личной охраны императрицы. Гусар, не имеющий образования, задержался в ее покоех недолго: осенью 1779 г. после ссоры с Потемкиным он был выслан из Петербурга. Преемником Зорича стал И.Н. Римский-Корсаков. Зорич в качестве отступного получил прибавку к пенсии, «огромную сумму наличных денег», а также 7 тыс. крестьян в дополнение к именьям. Что же касается Римского-Корсакова, то уличенный в интимных отношениях с графиней Брюс, он очень быстро лишился доверия императрицы и был отправлен «для поправки здоровья» на воды.

В дипломатической переписке Гарриса больше всего информации сохранилось об А.Д. Ланском, которого императрице рекомендовал все тот же Потемкин. Ланской, писал дипломат, родом из Смоленской губернии, служил в кавалергардах, и со времени пребывания в Петергофе постоянно обращал на себя внимание императрицы. Гаррис подчеркивал, что поначалу Потемкин противился его возведению в статус официального фаворита, но после того, как Екатерина даровала ему самому на день рождения 900 тыс. рублей, «землею и деньгами», он согласился на назначение Ланского. Новый фаворит, продолжал дипломат, «молод, красив и, как говорят, чрезвычайно уживчив». Гаррис не сомневался, что назначение Ланского еще больше «усилит власть Потемкина»³².

Императрица привязалась к Ланскому, и когда тот серьезно заболел, сильно переживала, даже забросила все государственные дела. Однако в письме госсекретарю от 7 мая 1781 г. Гаррис сообщал: «Я слышал, что новый любимец, Мордвинов, давно уже исполнявший обязанности этого звания, через несколько дней будет возведен во все почести, с ним соединенные, и что Ланской, пользующийся пока этим титулом, уже передает ему свои комнаты во всех дворцах». Гаррис обращал внимание на реакцию окружения императрицы на это событие: «Двор представляет картину смятения и невнимательности, особенно потому, что Ланской вел себя так безукоризненно, что не подал ни малейшего повода к тому, чтобы его отставить. Он не ревнив, не непостоянен, не дерзок и жалуется на немилость, приближение которой предвидит, таким трогательным образом, что государыня и ее доверенные лица равно озадачены насчет того, как от него отделаться без жестокости»³³. Как всегда, подчеркивал Гаррис, выгодами от перемены фаворитов воспользуется князь Потемкин, чтобы получить для себя не менее 700 тыс. рублей.

Однако прогнозам Гарриса о скорой отставке Ланского не суждено было сбыться. В депеше от 8 марта 1782 г. посол вновь пишет о сложностях, которые возникали с решением участи Ланского, который вел себя «с совершенной угодливостью и осторожностью, так что нет возможности его в чем-либо обвинить. Он... остается верным своему безразлично-спокойному характеру». Подобные качества фаворита, а также то, что

³² Лорд Мальмсбюри 1874, № 7: 179.

³³ Лорд Мальмсбюри 1874, № 11: 777-778.

он никогда не вмешивался в политические интриги, предпочитая заниматься изучением иностранных языков и философии, позволили ему удержаться в милости у Екатерины вплоть до своей кончины. Ланской скончался от горячки 15 июня 1784 г. Ходили слухи, что он был отравлен, либо злоупотребил лекарством, повышающим потенцию – афродизиаком. Екатерина тяжело переживала кончину своего «любимца».

Особое внимание дипломаты уделяли тем фаворитам Екатерины, кто мог оказать влияние на императрицу – Григорию Орлову и Григорию Потемкину. Когда Кэткарт заметил, что Орлов пользуется расположением императрицы, он решил с ним сблизиться, полагая, что граф, как и императрица, являлся «горячим сторонником Англии», хотя называл себя «русским патриотом». «Граф Орлов при всяком удобном случае оказывает мне совершенно особую и радушную внимательность, – информировал Кэткарт госсекретаря, – так что я уверен в нем по поводу всех вопросов, какие мне случится с ним обсуждать»³⁴. Посол не ошибся. Григорий Орлов и в самом деле был к нему расположен и даже оказал Кэткарту содействие в организации приема императрицы в доме британского посла. Кэткарт заметил также, что вниманием Орлова пытаются воспользоваться многие приближенные к императрице лица. Отставка Григория Орлова явилась, по признанию Кэткарта, «большой потерей» для англичан. «Он и брат его [Алексей Орлов] ...искренно преданы Англии. <...> он по занимаемому им положению мог... принести нам большую пользу, и достойно сожаления, что в течение последних четырех лет при его посредстве не было сделано более»³⁵.

Посол Ганнинг тоже не сомневался, что Григорий Орлов и его брат Алексей расположены к интересам английского королевства. Ганнинг получил от Григория Орлова несколько писем, «закрывающих сильнейшие уверения в почтении его и его брата к Его Величеству, в преданности их интересам Великобритании и в желании их оказать нам все зависящие от них услуги»³⁶. Неудивительно, что, когда Орлов приехал в апреле 1773 г. в Петербург и появился во дворце, где был «чрезвычайно отличен императрицей», и она предложила ему возглавить «начальство над армией», англичане отнеслись к этому событию с воодушевлением. Однако их надеждам не суждено было сбыться: Орлов отказался принять на себя руководство армией, и потому, заключал Ганнинг с долей цинизма, он вряд ли сможет быть полезен англичанам³⁷.

А вскоре Григорий Орлов серьезно заболел: лишился рассудка. Его болезнь повергла императрицу в «глубокое горе». 4 ноября 1782 г. Гаррис сообщал в Лондон: «Кажется, никогда в продолжение всей ее жизни, чувства ее не были так сильно и тяжело потрясены, как этим грустным событием, поразившим ее первого любимца, человека, который по-

³⁴ Дипломатическая переписка 1876: 45, 133.

³⁵ Там же: 164, 327.

³⁶ Там же: 342.

³⁷ Там же: 352-353.

стоянно оставался предметом ее главной привязанности, если не страсти». Екатерина обращается с ним с «самым нежным участием»: запрещает жестокие методы лечения, противится заключению его в закрытое лечебное заведение, позволяет ему посещать двор и принимает его «во всякий час» даже, если занята важными делами. «Его настроение, его дикие и бессвязные речи всякий раз огорчают ее до слез и расстраивают до такой степени, что во весь остальной день она неспособна ни к удовольствиям, ни к занятиям». Гаррис подметил, что Орлов нередко говорит ей «самые неприятные вещи». Однажды он воскликнул, что «раскаяние и угрызения совести довели его до сумасшествия и что участие, некогда принятое им в черном деле (по-видимому, убийстве Петра III – Т.Л.), навлекло на него наказание Божие»³⁸.

Князя Потемкина Джеймс Гаррис неоднократно называл «своим другом», либо «приятелем»³⁹. Определяющим в дружеском расположении к князю, судя по всему, посол считал его симпатии к Англии. В депеше в Лондон в августе 1780 г. он писал: «Я, имев случай окончательно изучить его [Потемкина] характер, дошел до убеждения, что... он действительно ...расположен быть нашим другом»⁴⁰. Гаррис не сомневался, что Потемкин стремился делать все «в пользу» англичан и желал убедить посла, что «старался об наших выгодах с большим влиянием и силой»⁴¹. Он встречался с князем довольно часто, нередко в его доме, в любое время суток, если того требовали их общие дела. «Когда все удалились, мы с ним [Потемкиным] имели весьма продолжительный и интересный разговор, – сообщал Гаррис в Лондон. – Он ...говорил о характере императрицы, о настоящем состоянии империи и о личном своем положении... доказывая... самое полное доверие к ...умению сохранять тайну»⁴². Не исключено, что князь Потемкин делился с британским послом информацией, явно не предназначенной для иностранца. Потемкин позволял Гаррису знакомиться с перепиской императрицы с главами других государств⁴³. Но самое главное, он мог оказывать влияние на Екатерину II. Гаррис подчеркивал, что выбор фаворитов для императрицы, как правило, производил сам князь. Естественно, что это были лица, преданные ему лично. Когда же не удавалось провести своего протеже, то Потемкин всячески противился выбору предполагаемого «любимца». Для этой цели, отмечал Гаррис, он употреблял «все средства, подсказанные ему его хитростью и влиянием его на императрицу»⁴⁴. Гаррис сообщал в Лондон: «Князь Потемкин управляет ею самым неограниченным образом; изучив до тонкости ее слабости, желания и страсти, он

³⁸ Лорд Мальмсбюри 1874, № 11: 869-870.

³⁹ Там же: 773, 778., 782.

⁴⁰ Лорд Мальмсбюри 1874, № 8: 399.

⁴¹ Там же: 382.

⁴² Там же: 407.

⁴³ Лорд Мальмсбюри 1874, № 11: 753.

⁴⁴ Лорд Мальмсбюри 1874, № 6: 1501.

пользуется ими ...согласно со своими целями». Кроме этого «сильного влияния», продолжал посол, он «держит ее в постоянном страхе» из-за опасений великого князя и утверждает, что только он «может вовремя открыть злоумышление с этой стороны и защитить ее от него».

Описывая частную жизнь Екатерины II, дипломаты уделяли особое внимание также ее отношениям с сыном, великим князем Павлом Петровичем⁴⁵. Будущий наследник российского престола представлял далеко не праздный интерес для правящих кругов Великобритании, и потому послы внимательно наблюдали за поведением великого князя, а также его окружением, в особенности теми, кто оказывали на него влияние.

В то время, когда в Россию прибыл граф Бэкингэмшир, цесаревичу исполнилось чуть больше 10 лет, в этом возрасте он не мог играть заметную роль при дворе. Возможно, поэтому Бэкингэмшир в своих мемуарах написал о нем немного, отметив, что великий князь «хорош фигурой и элегантно танцует», «живо все воспринимает» и отличается хорошей памятью. Дипломат отметил также, что великий князь, хотя и не выказывает особого прилежания, тем не менее «имеет лучшие познания, чем обычно имеют принцы в его возрасте». Поскольку его учителя «способны и усердны», а императрица «не дает ему особой поблажки», то он сможет достичь значительных успехов, заключал посол⁴⁶.

Ганнинг уделил больше внимания характеристике великого князя⁴⁷. Первое знакомство позволило послу составить представление о его характере и наклонностях. «Беспечность и необдуманность, как кажется, не составляют его недостатков, но критические обстоятельства, его окружающие, до того развили в нем природную скрытность, – докладывал Ганнинг в Лондон, – что он, по-видимому, ничем не интересуется и не обращает внимания ни на что, кроме пустых забав». Посол подметил перемены в отношении Екатерины II к сыну после того, как тот достиг совершеннолетия. «В последнее время он встречает со стороны императрицы внимание, с которым она не привыкла относиться к нему, что доказывает, что ее опасения усиливаются». Ганнинг полагал, что Павел Петрович надеялся, что ему наконец-то будет предоставлена «некоторая независимость и составлен двор», однако этого не произошло⁴⁸.

Недоброжелатели императрицы, считавшие, что к Павел Петрович должен занять трон на законных основаниях, стали проявлять к нему симпатии. Иностранцы внимательно следили за развитием событий. Французский просветитель Д. Дидро, гостивший в ту пору при дворе императрицы, рассыпаясь в комплиментах Екатерине, не забывал и о великом князе. «Лесть его относительно великого князя была так же сильна, – писал Ганнинг, – но к чести этого молодого принца он оказал ей не менее презрения, чем отвращения к его пресловутым и зловредным

⁴⁵ Подробнее об этом см.: Лабутина 2019: 394–407.

⁴⁶ Дипломатическая переписка 1873: 123.

⁴⁷ Подробнее о великом князе Павле Петровиче см.: Терещук 2011; Песков 2017.

⁴⁸ Дипломатическая переписка 1876: 300.

принципам философии». 5 января 1773 г. в секретном послании в Лондон Ганнинг отмечал: французские эмиссары «намекали несколькими лицам», что интересы России требуют вступления на престол великого князя. Посол утверждал: императрица полагает, будто новые министры Франции и Испании едут в Россию «с надеждой на возможность революции», но Ганнинг считал, что Екатерина нашла способ повлиять на сына, дав согласие на его брак. Посол предлагал своему руководству занять более активную позицию по отношению к великому князю: «Не следует ли заранее оказать внимание этому молодому принцу, который склонен к лести и может быть расположен в нашу пользу, по крайней мере, в настоящую минуту знаками отличия и внимания и бездельными подарками, как например английские экипажи, лошади и т.д.»⁴⁹.

Ганнинг подметил, что большое влияние на великого князя оказывала его супруга Наталья Алексеевна. Императрица как-то заявила, что обязана великой княгине за то, что «ей возвращен ее сын» и что она докажет ей свою признательность за такую услугу. И, действительно, подтверждал Ганнинг, Екатерина II «никогда не пропускает случая приласкать эту принцессу, которая, обладая даже меньшим умом, чем великий князь... приобрела над ним сильное влияние». Посол пришел к выводу: ее общество «составляет единственное отдохновение великого князя. Он подчеркивал, что Павел «не имеет никакого характера», легко подвержен влиянию других лиц, и этим пользуется императрица, которая выбирает из его окружения людей, способных в значительной степени внушить ему те мысли, которые она сочтет нужным»⁵⁰.

Особое внимание отношениям императрицы с сыном уделил посол Гаррис. Описывая характер великого князя, его образование и воспитание, он подчеркивал, что до первого своего брака Павел Петрович находился «в самом полном повиновении» у императрицы, был окружен теми лицами, которых она назначила, и «если он имел некоторую сыновнюю привязанность, то происходила она больше из страха, чем из сердечного чувства». Гаррис обращал внимание на то, что его первая супруга Наталья Алексеевна сумела «отыскать искусство управлять им». Явно под ее влиянием Павел удалил немногих друзей, которых до этого выбрал сам, и с тех пор «его общество, его развлечения, даже самые чувства, все вполне подчинилось его жене», но подобное подчинение супруге не принесло радости великому князю: «нрав его из живого и быстрого сделался грустным, тяжелым и апатичным». Завершая характеристику великого князя, Гаррис констатировал: Павел Петрович, «не будучи одарен высшими способностями... обладает достаточной долей понятливости, чтобы управлять страной»⁵¹. Однако, спустя полгода, Гаррис изменил свое мнение, полагая, что Павел Петрович «вследствие природной застенчивости и непостоянства нрава, которое не сглажива-

⁴⁹ Дипломатическая переписка 1876: 340-341.

⁵⁰ Дипломатическая переписка 1876: 409-410.

⁵¹ Лорд Мальмсбюри 1874, № 6: 1503-1505.

ется с годами, окажется неспособным управлять этой огромной и буйной империей»⁵². Видимо, подобного мнения придерживалась и императрица, когда решила сделать своим престолонаследником старшего внука Александра, о чем посол докладывал в Лондон в декабре 1782 г.⁵³

Отношения императрицы с сыном оставались сложными. В ряде своих депеш Гаррис обращал внимание на полную подчиненность, даже в мелочах, великокняжеского двора императрице, без ее разрешения «никто не имеет доступа к великокняжеской чете». Фавориты Екатерины относились к молодым супругам с высокомерием и равнодушием. «С великим князем и великой княгиней Потемкин и его партия обращаются, как с лицами, не имеющими никакого значения, – докладывал Гаррис в Лондон. – Великий князь чувствует это пренебрежение и имеет слабость говорить о нем, хотя не властен сделать ничего более»⁵⁴. Посол обращал внимание на «обидное равнодушие» Екатерины к сыну и невестке, которое подчас граничило «с презрением и ненавистью».

Справедливости ради стоит отметить, что при сложном характере отношений Екатерины с сыном она не скупилась в расходах на его содержание и на его прихоти. Как отмечал К. Валишевский, Павел получал 175 тыс. руб. в год для себя и 75 тыс. руб. для своей жены, не считая денег, отпускаемых на его двор. Таким образом, с материальной стороны Павел «был обставлен очень прилично». Тем не менее, он постоянно нуждался в деньгах и, чтобы раздобыть их, прибегал даже к таким «постыдным средствам, как соглашение с поставщиками императрицы»⁵⁵.

Итак, как показал анализ свидетельств британских послов о личной жизни Екатерины II, наибольшее внимание они уделяли ее взаимоотношениям с фаворитами, особенно тем из них, кто пользовался заметным на нее влиянием – графу Григорию Орлову и князю Григорию Потемкину. Особая склонность к английским порядкам (англофилия) позволяла дипломатам использовать их в качестве источника секретной информации, касающейся императрицы, а также для оказания влияния на принятие ее решений во внешней политике. Свидетельства послов не всегда отличались объективностью. Тем не менее, приведенные ими факты дают возможность составить более полное представление не только о внутренней и внешней политике, проводимой Екатериной II, но и о ее личной жизни, обогатив новыми деталями исторический портрет великой российской императрицы.

Источники

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе// Сборник императорского русского исторического общества. Т. XII. СПб., 1873.

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе// Сборник императорского русского исторического общества. Т. XIX. СПб., 1876.

⁵² Лорд Мальмсбюри 1874, № 7: 153-154.

⁵³ Лорд Мальмсбюри 1874, № 11: 876.

⁵⁴ Лорд Мальмсбюри 1874, № 7: 146.

⁵⁵ Валишевский 2003: 23.

- Лорд Мальмесбюри в России// Русский архив. М., 1866. Т. I, № 4.
 Лорд Мальмесбюри в России в царствование Екатерины II // Русский архив. М., 1874. Т. I, №№ 6-8, 11.
 Письма Екатерины к Понятовскому // Тайны и истории Екатерины II в воспоминаниях современников, оценках историков. М., 1998.
 Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла Чарльза Г. Уильямса. 1756 и 1757 гг. М., 1909.
 Секретные материалы, относящиеся к кабинету в Санкт-Петербурге // Вопросы истории. М., 1999, № 4-5.
 Memoires and Correspondence (Official and Familiar) of Sir Robert Murray Keith. L., 2011. Vol. 1.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Брикнер А. История Екатерины Второй. М., 1998 [Brikner A. Istorija Ekaterini Vtoroi. M., 1998]
 Валишевский К. Павел I. М., 2003 [Valishevskii K. Pavel I. M., 2003].
 Гельбиг Г. фон. Русские избранныки. М, 1999 [Gelbig G. fon. Russkii izbranniki. M., 1999].
 Евгеньева М. Любovníки Екатерины. М., 1989 [Evgenieva M. Lubovniki Ekaterini. M., 1989]
 Екатерина II без ретуши. СПб., 2009 [Ekaterina II bez retushi. SPb, 2009].
 Екатерина II и её фавориты. Черты. Свидетельства. Случаи. Анекдоты. Шутки. М., 2004. [Ekaterina II i ee favoriti. Cherti. Svidetelstva. Sluchai. Anekdoti. Shutki. M., 2004].
 Елисеева О.И. Молодая Екатерина. М. 2010 [Eliseeva. O.I. Molodaya Ekaterina. M., 2010].
 Крючкова М.А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009 [Kruchkova M.A. Memuari Ekaterini II i ih vremya. M., 2009].
 Лабутина Т.Л. От Ивана Грозного до Екатерины II: Российские монархи в восприятии британцев// Новая и новейшая история. 2017, № 5 [Labutina T.L. Ot Ivana Groznogo do Ekaterini II. Rossiiskii Monarhi v vospriatii britananzev// Novaya i noveishaya istoria. 2017, №5]
 Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. [Labutina T.L. Britanskii diplomati i Ekaterina II. Dialog i protivostoyanie. SPb., 2019]
 Песков А.М. Павел I. М., 2017 [Peskov A.M. Pavel I. M., 2017].
 Терещук А.В. Павел I. Жизнь и царствование. М., 2011 [Tereshuk A.V. Pavel I. Shizn i zarstvovanie. M., 2011].
 De Madariaga I. Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780. New Haven, 1962.

Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; tlabutina2007@yandex.ru

Private life of Catherine II in the descriptions of British ambassadors

The article analyzes the statements of the British ambassadors at the court of Catherine II about the private life of the Empress. Based on the secret correspondence of diplomats with the Secretary of state of Great Britain, as well as their memoirs, the author comes to the conclusion that the greatest attention they paid to her relationship with her son Grand Duke Paul Petrovich, as well as with favorites, especially those who enjoyed a noticeable influence on the Empress (count Grigory Orlov and Prince Grigory Potemkin). The special propensity of favorites to the English order (anglophilia) allowed diplomats to use them as carriers of classified information, as well as to influence the decisions of the Empress in matters of foreign policy in the interests of Great Britain. Although the evidence of the ambassadors was not always objective, nevertheless, the facts given by them allow us to form a more complete picture of the policy pursued by Catherine II and also of her personal life, thereby enriching with new details the historical portrait of the great Russian Empress.

Keywords: Russia, Great Britain, XVIII century, Catherine II, Grand Duke Pavel Petrovich, ambassadors, favorites, Grigory Orlov, Grigory Potemkin

Tatiana Labutina, Dr.Sc. (History), Professor, Leading Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; tlabutina2007@yandex.ru